самой страшной бѣды, какая только можетъ приключиться съ человѣкомъ. Но выбирать тутъ не приходится. Выборъ суженъ и за человѣка, и за Бога. И человѣкъ и Богъ agit cum sobis suae naturae legibus, et a nemine coactus agit. Законъ природы ~~Бога и человѣка~~ человѣка — необходимость. Законъ природы Бога — неизмѣнность, т.е. та-же необходимость, только перенесенная въ отвлеченную категорію. Кирогерардъ вѣдь и въ своихъ отношеніяхъ къ Ренанъ вполнѣ „утверждаетъ" досу ту неизмѣнность, которая обрекла Бога на роль насильнаго содержанія „преисподнихъ мукъ своего возлюбленнаго сына.

XV

А.И. стр. 150 § 15

Кирогерардъ утверждаетъ, что предъ лицомъ Авраама, заносящаго ножъ надъ Исаакомъ мы испытываемъ horror religiosus. Едва-ли это вѣрно. Ужасъ, и та крайняя степень ужаса, которая заслуживаетъ епитета religiosus мы испытываемъ, когда видимъ, что на человѣка надвигается отвратительное чудовище необходимости, а онъ точно заворожённой какою то сверхъестественной силой не только не можетъ пошевелить ни однимъ членомъ, не только не разрушаетъ себя, какъ это бываетъ въ сонномъ видѣніи хотя бы безсмысленнымъ крикомъ выразить свое отчаяніе и протестъ, но собираетъ ~~всѣ~~ послѣдніе силы своей души, чтобъ узаконить, оправдать, возвеличить и „понять" т.е. навѣки укрѣпить какъ истину то, что, по существу своему, есть только фактъ. Кирогерардъ начинаетъ съ того, что Богъ можетъ возвратить Аврааму Исаака, Іову — его дѣтей и богатства, можетъ соединить бѣдную Іоанну съ ~~христовой~~ царевичемъ, кончитъ же тѣмъ, что самъ отнялъ у Бога его возлюбленнаго сына. Сократъ, въ своемъ первомъ и второмъ воплощеніи непреоборимому ~~Дѣйствительность въ долинѣ принять: и люди и боги.~~ Это истина, скрытая отъ первого человѣка, ~~теперь~~, послѣ того какъ Адамъ вкусилъ и скрылъ провозгласилъ ее, какъ принципъ мышленія ~~въ всѣмъ будущимъ~~ времени, силы отъ плодовъ дерева познанія, стала доступной и видной всѣмъ, ~~и только~~ но ~~съ этой~~ черезъ эту истины человѣкъ можетъ войти въ царствіе Духа. Царство Духа Кирогерардъ, какъ и critis sicut dei, scientes bonum et malum библейскаго змѣя означаетъ одно и тоже: непосредственная данная сознанія непреоборимо, отъ нихъ нѣтъ спасенія, и отъ ужасовъ жизни бѣжать нельзя. Кирогерардъ приходитъ въ блаженство, когда до него доходили слухи, что какой нибудь настоятель пытался утѣшить мать, потерявшую сына, напоминая ей о томъ, какъ Богъ искушалъ Авраама или Іова. Все утѣшеніе ~~не~~ несетъ людямъ ~~никто никогда~~, а

христіанство, а наваждение, которое, наяв и наваждение вокруга, хуже всякой бяды нашли любви
~~приваивать к новым жертвам и новым ужасам~~ к чисто земным приятностям. Кирхергардт, ниже можно безъ
труда заключить изъ его "неправильныхъ" признаній, потому даже въ (Датской душе) Регина Ольсенъ разбудить ужасъ предъ жизнью и отчаяніе. Ему не удалось
ее „подчинить" до себя и онъ, новичку, при всей своей проницательности, никогда
не давалъ себѣ ясного отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ съ молодой женской ду-
шой: отъ этого ~~ужаса~~ испытанія судьба его охранила, или онъ самъ себя умѣлъ оберечь.
Когда онъ разсказывалъ, что его возлюбленной было 17 лѣтъ, то ему 700 — ~~ему~~
ему казалось, что дѣвой невинной на видъ преувеличеніе, онъ покупалъ себѣ
оправданіе предъ „Вѣчнымъ". Но это было не преувеличеніе, а неправда, и
не невинной, а преступной (о неправдой) ему было не семьдесятъ, а семьдесятъ лѣтъ: семи-
десятилѣтній старикъ ловилъ за молоду дѣвушку и, убѣдившись, что
молодость не вернется, что даже самъ Богъ не можетъ вернуть молодость
старику, протягиваетъ руку къ дереву познанія добра и зла, въ ~~надеждѣ~~ и всѣми силами стараться принудить Регину слѣдовать за собой
~~рассчитывая~~ такимъ образомъ
на, что спасеніе придетъ отъ ~~зла~~ зла: Необходимость на такихъ глазахъ пре-
вратилась въ Ничтожность. Иначе говоря: когда знаніе убило въ человѣкѣ
и приваживаетъ ~~даже~~ Бога, и ~~даже~~ самъ Богъ зачарованъ страхомъ предъ ничто, которое становится
между Нимъ и его сыномъ, какъ оно стало между Кирхерг. и Региной Ольсенъ.
свободу, его душой овладѣлъ чрезъ. Онъ не только не можетъ вернуться къ
невѣдѣнію и къ той первоначальной свободѣ, которая присуща была чело-
вѣку, еще не связанному знаніемъ, онъ въ невинности видитъ дѣвяле-
ніе духа. Абсурдъ, къ которому онъ взываетъ, ему не помогаетъ уже:
~~либо~~ ~~онъ только~~ взываетъ къ Абсурду, но осуществить его не можетъ:
~~онъ хочетъ~~ онъ непрерывно говоритъ объ экзистенціальной философіи,
на ~~самомъ же дѣлѣ~~ онъ, ~~какъ~~ какъ Сократъ и Спиноза, онъ хочетъ и самъ
жить, и принудить всѣхъ жить въ нѣкоторыхъ категоріяхъ, въ какихъ онъ
мыслитъ. Онъ ссылается на Св. Писаніе, но на самомъ дѣлѣ онъ, ~~какъ Сим-~~
~~волъ знаетъ~~ твердо „знаетъ", что Deus non volebat Israelitas suae essentiae absoluta
attributa docere ... (eosque non rationibus, sed turbarum strepitu, tonitru et fulminibus eosdem
adorsus est. И не только Кирхергардт, все мы въ ~~самомъ~~ ему было убѣжде-
ны. ~~Все мы думаемъ~~, что въ истинѣ видятъ только rationes, и небесная
гроза ~~мы~~ ~~все~~ считаетъ пустымъ шумомъ. ~~Соотвѣтственно тому~~ Praedo-
minemos eritis sicut dei зачаровано насъ, ~~на вашемъ~~ нами овладѣло то
enchantement et assoupissement Знатачей, о которомъ говоритъ Паскаль,
или та angst vor Nichts, о которой разсказалъ К.

и тѣмъ добросовѣстнѣе мы подчиняемъ свою жизнь своей мысли, тѣмъ глубже и непробудные становится нашъ сонъ. Сократовское знаніе о незнаніи ~~всеобщаго и необходимаго~~, Спинозовское tertium genus cognitionis, Кантовский „разумъ, тщетно стремящійся къ всеобщимъ и необходимымъ истинамъ" никогда не вывидутъ человѣка отъ сонного оцѣпенѣнія и не вернутъ ему утраченной свободы, т.е. свободы невѣдѣнія, свободы отъ вѣдѣнія. Пока всеобщіе и необходимыя истины будутъ господствовать въ мірѣ, люди будутъ принуждены принимать, что убиваютъ ихъ сыновей, позорятъ ихъ дочерей, разрушаютъ ихъ родину, попираютъ ~~предвидѣнія~~, невѣдомо въ фалаорійскомъ баѣ, что ~~Богъ~~ Deum nullum teorum rei finem habere и что „метафизика ~~и всеобщности~~ предметомъ рѣшить есть ли Богъ, безсмертна ли душа ~~и вообще~~ метафизика, которой это рѣшительно все равно, а живому существу, человѣку, которому это важнѣе всего на свѣтѣ, рѣшающаго голоса въ этомъ дѣлѣ не дано, ~~да~~ обреченъ подавивши въ себѣ всѣ ludere et detestari, ~~обобщать~~ aequo animo выносить все, что ему принесетъ судьба. Философія, начинающая въ необходимыхъ истинахъ не можетъ не кончиться восхищеннымъ созерцаніемъ. И религія, которая въ невѣдѣніи невинного человѣка, ~~по приговору~~ въ угоду философіи, устанавливаетъ не первобытную свободу, а сонъ духа, тоже должна кончаться созерцаніемъ не менѣе восхищеннымъ. Сократъ и Спиноза говорили о блаженствѣ въ фалаорійскомъ баѣ, Кирегаардъ своимъ библейскимъ откровеніемъ „блаженству", которое длится вѣчно, ~~какъ~~ какія когда-либо выносилъ человѣкъ. И другого выхода нѣтъ. ~~Если~~ Пока мы не вернемся отъ сократовскаго знанія, пока мы не вернемъ себѣ свободы невѣдѣнія, ~~единственной~~ этой свободы, ~~которая гарантирует человеку~~ можетъ закрыть человѣка отъ грозящаго ему превращенія изъ res cogitans въ asinus ~~трудолюбивый~~ мы останемся во власти того стираннаго наваожденія, которое въ незапамятныя времена превратило человѣка изъ res cogitans въ animal tuttissimum. ~~Можно знать~~ ? ~~можетъ быть~~. Но, повидимому, и этого выхода нѣтъ. Вернуться изъ возможности? Грехъ паденія, грехъ „первороднаго грѣха", въ томъ именно и состоитъ, что падшій, сотворившій человѣкъ, какъ это Адамъ и Никита и Лютеръ, своимъ паденіемъ отрѣзалъ себѣ всякую

возможность своими силами, своими „силами" вырваться изъ заколдованнаго круга ужасовъ, въ которой его загнала Необходимость. Необходимость, какъ нашъ признался Ницше, ужасъ добръ не оскорбляетъ падшаго человѣка, онъ его любитъ, въ любви къ Необходимости онъ видитъ своего добродѣтель, свое величіе, источникъ мудрости. Спинозы, повторяя Сократа, перестъ людямъ, какъ фразеологическое „decet", свое aequo animo ferre; и его не оскорбляетъ, даже радуетъ его. Отказываясь отъ res quae in nostra potestate non sunt. Онъ возбраняетъ людямъ плакать, смѣяться, проклинать и разрѣшаетъ только „понимать". Даже Кирегергардъ отдаетъ свою волю и волю Бога, для котораго, по его словамъ, нѣтъ ничего невозможнаго, во власть Необходимости, которую онъ возводитъ въ санъ Божества, чтобъ загладить нанесенную имъ обиду „этическому". „Этическое" т.е. плодъ съ дерева познанія добра и зла, отъ котораго Аристотель пытался какъ можно отмахнуться своимъ minimum'omъ этическихъ благъ, ничего не пощадило и подвело человѣка къ краю извѣстнаго Ничто.

AI 153 liph 7 dubaiv Sinti N3

И здѣсь только выясняется, что „этическое" и есть та Bestia, qua non ausis homo non potest vivere. Оно заслоняетъ и защищаетъ собой самого страшнаго врага человѣчества. И отсюда только становится понятнымъ лютеровское Sola fide и павловое „все, что не отъ вѣры есть грѣхъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ и все то, что въ писаніи разсказывается о malleus Dei. Отсюда только и можно понять ту „тесноту", которую открыто проповѣдывали Ницше и Кирегергардъ и которая незримо присутствовала въ ученіи Сократа и Спинозы подъ ихъ beatitudines. Въ ней раскрывается истинный смыслъ, таившійся подъ словами знаки: critis sicut dei scientes bonum et malum. Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ Сократа и Спинозы не трудно различить жуть-все ужасъ подавленнаго видѣть et detestari, которой сквозитъ въ пенсіовомъ рвѣніи Ницше и Кирегергарда. И уйти отъ этого ужаса некуда, пока мы находимся во власти intelligere. И, наоборотъ, разрушить чары intelligere нѣтъ никакой возможности, пока оно заслоняется „этическимъ" съ его грозными анаѳемами и прельщающими beatitudines. Сократо-Спинозовское non videre nefas detestari, и имъ же beatitudo et ipsa virtus только иная слова для выраженія библейскаго critis sicut dei. Пока человѣкъ, который въ своей добродѣтели

видитъ высшее блаженство, и въ своемъ блаженствѣ готовъ радостно принимать, даже любить всѣ ~~бѣды~~ мучения, какія ему пошлетъ судьба, человѣкъ, который разучился плакать и проклинать, когда убиваютъ сыновей, безчестятъ дочерей; разрушаютъ родину — развѣ какой человѣкъ вспомнится поднять руку на „Необходимость"? Или лучше сказать, не родилась ли человѣческая добродѣтель въ тотъ страшный часъ, когда завороженный всепокоряющей силой „Необходимости" человѣкъ отрекся отъ своей свободы, и рѣшилъ все „принимать", что ему Необходимость пошлетъ? И не черпаетъ ли Необходимость свою власть и свою силу въ томъ, что отравленный плодами съ древа познанія человѣкъ не смѣетъ ослушаться ея властныхъ приговоровъ? Да и, что, стало быть, наше знаніе, наше видѣніе не то, о которое Аристотель оправдывалъ своимъ ἀλήθειαν δίδωμι, а то, о которомъ говорили Сократъ и Скепсиса, когда они провозглашали посылки всеобщія и необходимыя истины и tertium genus cognitionis, cognitio intuitiva, есть страшный и роковой обманъ, породившій всѣ ужасы бытія. Кьеркегаръ посвятилъ много вдохновенныхъ страницъ борьбѣ съ умозрительной философіей ~~Гегелемъ~~ со свойственной ему безпощадной рѣзкостью онъ назовелъ предсѣдательствующей умозрительной философіей спекулянтами. Но онъ не могъ никогда отрекаться отъ діалектики, которая ему досталась въ наслѣдство отъ мудрѣйшаго изъ людей и противупоставить ей творческое fiat библейскаго откровенія. Онъ никогда не говорилъ, какъ ниже, что Необходимость его не оскорбляетъ. ~~Онъ~~ Но, какъ ниже, онъ всѣмъ существомъ своимъ былъ убѣжденъ, что вопъ въ власти понимаетъ прядѣнъ непосредственными данными сознанія. Нельзя повторять того, которое называется „то было": quod factum est infectum esse nequit. Событіе имѣетъ свой строгій и опредѣленный строй и ни, ни вѣки, ни мертвые не могутъ ничего измѣнить въ предвѣчно установленной закономѣрности развитія мірозданія. Люди не думающіе просто принимаютъ и покоряются дѣйствительности. Люди думающіе не только принимаютъ и покоряются дѣйствительности, но „постигаютъ" ее, постигая оправдываютъ и въ этой своей способности постичь и оправдать дѣйствительность, видятъ свою добродѣтель, и въ добродѣтели блаженство и посмертный смыслъ своей

существованія — amor erga res aeternas et infinitas. Впрочемъ почти никогда Спинозу не называетъ — что res aeterna et infinita является основнымъ мотивомъ его размышленій, как, у всякаго его предшественника, искавшаго черезъ діалектику придти къ истинѣ, какъ и вечная и преходящая во всѣхъ выказывается пятнадцей необходимости. И она осуждена „принять чѣмъ quae in sua potestate non sunt и aequo animo utcumque fortunae ferre. Будь знаніе, тамъ не можетъ быть свободы. Свобода утрачена человѣкомъ ~~въ послѣдній р~~ любящимъ, соблазнившимся плодами съ дерева познанія добра и зла.

Я вопросъ въ послѣдній разъ спросимъ: можемъ ли мы вернуться къ невѣдѣнію невиннаго человѣка? Дано ли намъ преодолѣть непосредственныя данныя сознанія и тотъ кошмаръ условъ, которой со всѣми данными связалъ. Не знаю, можетъ-ли кто нибудь отвѣтить на этотъ вопросъ. И не думаю, чтобъ на этотъ вопросъ нужно было отвѣчать. Но несомнѣнно лишь одно: были люди, которые испытывали эту зависимость отъ „даннаго" не только, какъ величайшій умъ, но и какъ величайшій другъ.

~~находитъ философское или религіозное~~ „Жизнь, пишетъ Кирхегаръ, ~~свидѣтельствуетъ о томъ, что~~ на каждомъ шагу подтверждаетъ то, чему учитъ писаніе: Богъ отмщаетъ тѣ дѣтямъ до третьяго и четвертаго поколѣнія вину отцовъ. ~~И все, что есть ужаснаго въ этомъ~~ И отъ этого ужаса не ~~спасетъ~~ отдѣлаешься обычной болтовней о томъ, что это чисто судейское ученіе". Кирхегардъ вправѣ было такъ говорить. Его отецъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ понялъ Бога и всѣмъ чувствовалъ, что гроза отца ~~остается~~ продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ. И, главное, Кирхегардъ не только не можетъ — онъ не хочетъ снять съ себя этотъ ужасъ, какъ не хочетъ онъ снять съ себя ужасъ своей вины предъ Религіей вообще. Онъ чудно чего то ищетъ отъ своихъ ужасовъ. Онъ смутно чувствуетъ въ нихъ тотъ malleus Dei, о которомъ говорили пророки и Лютеръ, и надеется, что ~~чувствуетъ~~ ~~отъ него~~ ~~отъ Лютера~~ придетъ желанная свобода. ~~Отъ~~ Онъ самъ признается ~~разъ въ дневникѣ~~ при чемъ говоритъ: „Возможность свободы состоитъ не въ томъ, чтобы могъ выбирать между добромъ и зломъ. Такое недомысліе такъ же мало соотвѣтствуетъ писанію, какъ и мышленію. Возможность въ томъ, что человѣкъ „можетъ". ~~Въ писаніи, точнѣе, свобода въ томъ, что человѣку дана возможность~~ Но „мышленіе" судитъ иначе. Что, что К. такъ настойчиво „мирит" писаніе съ мышленіемъ проводитъ его на тѣ же мысли, какъ мы видѣли, къ такому истолкованію писанія, которое находилось бы въ согласіи съ мышленіемъ, или, точнѣе, къ тому, что онъ писаніе всецѣло подчиняетъ мышленію. Онъ же говоритъ „что страхъ есть обморокъ свободы", что ~~онъ~~ „~~признаетъ~~ 57 что „грѣхопаденіе происходитъ въ бессознаніи", но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ отказаться отъ мысли, что „тѣмъ оригинальнѣе человѣкъ, тѣмъ глубже заложенъ въ немъ страхъ"; и такъ соблазняетъ его „категорія" оригинальности, что онъ, какъ мы помнимъ, въ невѣдѣніи первобытнаго человѣка счелъ возможнымъ истолковать феерекіи, ужасъ бытія, и убѣдилъ насъ, что такое понимание можно находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что разсказано въ Библіи.

Библія, конечно, какъ я уже указывалъ, не имѣетъ въ и не должна имѣть для насъ никакого авторитета. Мы справедливы съ Спинозой

всегда за сократовым мудрственно относился вообще к „богобрак новинным людям", мы можем согласиться со Спиновой утверждать, что Бог в Библии вовсе не желает открывать людям свои откровения, и что ~~человеческий разум~~ то человек должен внимать разумным соображениям и не искать истины в громах, трубных звуках и молниях, которыми его запугивали пророки, может наконец, по примеру Христа противопоставить недоверие недоверию и думать, что правду сказал Адаму змий, а Бог его обманывал, что плоды с дерева познания дали человеку силу искать и находить истину. Но в Библии сказано иное: познание есть падение, есть первородный грех. ~~И надо думать~~ За ~~Бог~~ eritis sicut Dei scientes bonum et malum, которое показало первому человеку сколько страшной необходимость ~~или инстинктивное~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ что, которая заставляет и подчинять подвластно человека. Пока человек не „знает", он давал имена всем вещам и всем вещи его слушались. Но, когда под прикрытием eritis sicut Dei scientes bonum et malum, человека ~~уже~~ необходимость, ~~[illegible]~~, что проникнуло собой всю онтологическую конструкцию бытия, ~~человек~~ которая прежде была доминантой надвещами, стоит сама между вещами вещью. Он уже не в силах ничего изменить: ~~[illegible]~~ приобретя знание, он утратил свободу. И власть этой необходимости, этого Кого-то нам безраздельна, что самые дерзновенные среди нас не смеют и помыслить о возможности борьбы с ним. Все, что оно требует с собой мы принимаем: убиваем сыновей, позорим дочерей, расчленяем родину, бросаем в эмиграцию была тысячи людей, — ~~все, что бы с нами не делали, мы все принимаем~~. Наши умы кажется безумием всякая попытка изменить установленный строй бытия. ~~Мудрствующие и лукавые между нашим~~ Мы ~~далее~~ не только не чувствуем, что полное помрачение всего заключается позора своего положения. ~~Больше того, когда~~ Но мудрствующие между нами считают своей добродетельной способностью принимать то, что изменить они не ~~могут~~. Умеют и убеждают себя и других, что в этом результате — величайшее благополучие

повѣдавали Кирхергардъ и Ницше и которая незримо присутствовала въ устахъ Сократа и Спинозы подъ ихъ beatitudine. Въ этой мистикѣ раскрывается истинной смыслъ, таившійся подъ словами змѣя eritis sicut Dei. Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ Сократа и Спинозы мы различаемъ тотъ же ужасъ подавленнаго cudere et detestari, который слышится въ исступленныхъ рѣчахъ Ницше и Кирхергарда: падшему человѣку не дано своими „дѣлами" вернуть свою первоначальную свободу. Знаніе и добродѣтель парализовали нашу волю и привели насъ къ тому оцѣпенѣнію духа, (~~при которой борьба стихла~~) которое въ безсиліи и пассивности не чувствуетъ даже грѣха. Но, если намъ не дано своими „дѣлами" ~~прямо~~ прорваться къ истинному бытію, то, быть можетъ, то, что съ нами „дѣлается", помимо насъ, почти противъ насъ, вынесетъ насъ за предѣлы того завороженнаго царства, въ которомъ мы живемъ. Въ жизни человѣка, кромѣ знаній и добродѣтели, есть тѣ ужасы, о которыхъ намъ столько ~~говорили~~ разсказывали Кирхергардъ и Ницше и которые Сократъ и Спиноза напоили свои docet, свои назиданія. Сколько бы знаніе не внушало намъ, что необходимость лежитъ въ основѣ міроздаанія и что борьба съ ней можетъ только безумія, сколько бы мораль не увѣряла насъ, что добродѣтельный человѣкъ будетъ блаженствовать и въ фонарійскомъ бочкѣ, вселившій въ человѣка это cudere et detestari никогда не удастся. Изъ этихъ cudere et detestari, изъ этихъ ужасовъ бытія и выковывается ~~[illegible]~~ страшный malleus Dei пророковъ и Лютера. Но ~~malleus~~ молотъ Бога направляется не противъ живого человѣка, какъ то думали Кирхергардъ, ~~какъ то~~ и Ницше, унаслѣдовавшіе мудрость Сократа и Спинозы. Quia homo superbit et somniat, se sapere, se justum et sanctum esse, ideo opus est, ut lege humiliatur, ut die beatia ista, opinio justitiae, occidatur, qua non occisa homo non potest vivere.

Кирхергардъ много говорилъ объ экзистенціональной философіи. Но экзистенціальная философія находится по ту сторону и „личнаго" и „познанія". Она начинается лишь тогда, когда malleus Dei разрушитъ ~~ее~~ на

АТ 1533 815

увѣренность, что знаніе несетъ намъ истину, а истина знанія ~~дастъ~~ ведетъ къ святости и праведности. Знаніе, мы полагаемъ, превратило дѣйствительное въ необходимое и пріучило насъ все „принимать", чтобы необходимость намъ не повредила. Но вѣдь это есть обманъ, безсиліе, паралитъ человѣка, выбравшаго съ спокойствія, или — можетъ быть и того страшнѣе — смерть нашей свободы. Развѣ можетъ свободный человѣкъ adeo animo присутствовать при томъ, какъ позорятъ его дочерей, убиваютъ сыновей, разрушаютъ родину и т.д? Если такъ не вообще забвѣтое наши слова грѣхъ имѣетъ хотя какой нибудь смыслъ, то самый страшный грѣхъ въ томъ „adeo animo", въ тѣхъ назиданіяхъ и бчаженствахъ, которыя принесла намъ philosophia vera и которыми она въ своей чередѣ держится. ~~Идутъ~~ Въ нихъ ~~[illegible]~~ и идуще вслѣдъ за Христомъ, исчатъ bellua qua non occisa homo non potest vivere. Но пламенными доводами человѣку не дать разсѣять сковавшее его навожденіе. ~~Наука не доводъ~~ Доводы не помогутъ. ~~Нужна, чтобъ~~ Надо утвердить т.е. преисполненныя ~~основанныя~~ videre et detestari противорѣчіемъ въ новую силу, которая одна можетъ осилить вросшій возвъ необходимости, ~~и тогда только человѣку свобода, а потомъ~~ и дать человѣку смѣлость мыслить въ нѣтъ категоріяхъ, въ какихъ онъ живетъ, т.е. сдѣлать ~~его~~ вновь стаящаго рабомъ истинъ, господиномъ надъ истинами и необходимостью всевышнимъ досегомъ обнаружиться въ своей истинной сущности, какъ призракъ, ~~какъ ничтожное и безсильное ничто~~. ~~Но ручаюсь~~ Слѣдуя за Зачросанное „eritis sicut Dei scientes bonum et malum" которое, послѣ Сократа, стало ~~[illegible]~~ принципомъ философіи будущихъ временъ даже Кантъ и Кирегаардъ всѣ свои силы устремили къ тому, чтобъ внушить людямъ убѣжденіе, что bratitudo non est praemium virtutis, sed ipsa virtus ~~и знаніе~~ что ~~все наиболѣе для насъ~~ самое цѣнное, самое важное для насъ суть тѣ, quae in nostra potestate non sunt, и что нужно жить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мы живемъ. / И только эта сила можетъ вознести человѣка на ту высоту, съ которой можно созерцать истину facies in faciem, гдѣ кончается власть закона и ~~всѣ вещи~~ и знанія и гдѣ человѣкъ начинается въ фра и гдѣ обнаруживается, что ~~благодѣтель~~ правящая міромъ необходимость есть лишь пустой, безсильный

и черезъ то и только тогда ~~становится~~ снова обретаетъ изначальную свободу и вновь впадаетъ в призракъ. Человѣкъ не ~~принимаетъ умы все, что чувства и враждебной власть ему посылаетъ, которыя становит~~, т.е. человѣкъ вновь погружается мыслить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ онъ живетъ ~~non prodit~~ ~~non~~ non prodit quia prudentium est, prorsus credibile qui ineptum est, certum est quia impossibile. Знаніе привело ~~свер~~ мудрѣйшаго изъ людей къ фарисейскому бреду, ~~знаніе отъ фарисейскаго бреда возвратъ къ себѣ~~ и обнаружилъ тѣмъ себя, какъ bellua, qua non occisa homo non potest vivere. И другого выхода у насъ нѣтъ: нужно убить знаніе, ибо только убивъ знаніе, ~~которое превратило~~ превратившее опять во всеобщій и необходимый истину, мы ~~проснемся~~ пробудимся отъ того кошмара, ~~который обрекъ~~ парализуя нашу свободу, въ которомъ мы живемъ. Только съ ней человѣкъ можетъ обрѣсти то, что Кир. называлъ экзистенц. философіей т.е. рѣшительно мыслить въ категоріяхъ, въ которыхъ онъ живетъ, а не жить въ категоріяхъ, въ которыхъ онъ мыслитъ. Увеса хоть возродить прежнюю необходимость. Но, вѣдь, увеса есть gorgas отсѣчена необходимости.

Экзистенціальная философія только ~~тогда осуществится~~

~~Умалы, на которые до сих поръ опирались необходимость~~ Великіе Умы, которому держались необходимость, обратятся противъ нея самой и противъ знанія, ей порождаемаго. И тогда только человѣкъ обрѣтетъ истинную свободу, ибо истинная свобода человѣка ~~нечем~~ уже не будетъ жить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ онъ мыслитъ, онъ будетъ мыслить въ тѣхъ, на и только когда необходимость будетъ свалена, человѣкъ обрѣтетъ принадлежащую ему по праву свободу. ~~Человѣку вернется~~ свобода мыслить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ онъ живетъ.

~~Ничто, которое человечеству наших грехах и наших страхах~~

того призрака, того бесформенного Ничто, которое человечеству наших ~~грехах~~ бессильная мысль устанавливает всевластную необходимость

ему уже было нечьмъ.„ Этическое не разрушало силу низкого призванія, отнимъ у него рабьемъ, онъ испрепоситъ въ душу невиннаго ~~чеснокомнія~~ ~~чеснокомнія~~ человѣка, ~~душа~~ расчитывая такимъ образомъ спастись отъ ужасовъ, овладѣвшихъ имъ. Это значило бы, что оно должно отречься отъ всѣхъ своихъ суверенныхъ правъ. Такой же смыслъ имѣетъ и Кнутшевскаго готовность склонить голову предъ необходимостью. И это - дань этическому. Правда - дань на словахъ, но все же дань, благодаря которой этическое продолжаетъ держаться на престолѣ и закрывать собой прирожденную власть Ничто-необходимости. И Кьеркегаардъ и Кнутъ представляются намъ въ ореолѣ святости и мы не видимъ той страшной пропасти, которая разверзалась подъ ними, какъ не видѣлъ Аристотель и ~~целаго~~ пропасти, надъ которой стояли Сократъ и Спиноза. ~~Даже постоянно~~ ~~раз~~ Ужасъ, (~~о которыхъ намъ говорятъ и Кьеркегаардъ и Кнутшевскій~~ разсказами о которыхъ полны и сочиненія и дневники К. и К. намъ ничего не говорятъ. Мы закрываемся отъ нихъ теоріей Аристотеля о трагическомъ, какъ закрываемся отъ фалларійскаго быка его же размышленіями о тѣлѣ и тѣлесныхъ благахъ. Мы убѣждены, что ужасы только случайной придаточной къ закономѣрно протекающему и развивающемуся бытію. Разве ужасамъ дано опредѣлять собой человѣческое мышленіе? Въдь ужасы и создаются тѣми ~~видеть et detestari~~, которые ~~этическое~~ "этическое" повелѣло склониться предъ лицомъ необходимости. И, наоборотъ, ~~полное~~ торжество необходимости только потому и тогда обезпечено, когда человѣкъ добровольно отказывается отъ videre et detestari. ~~Но~~ И вотъ, въ послѣдній разъ спросимъ: не есть-ли „этическое" тѣ именно плоды съ дерева познанія добра и зла, то eritis sicut dei, о которомъ разсказано въ писаніи. ~~Такъ~~ Кьеркегаардъ ~~не понималъ~~ отказывался понимать значенія библейскаго змѣя. Но, если точно, этическое ~~защищаетъ~~ защищаетъ собой необходимость самого страшнаго ~~врага человѣка~~, и, ~~если бы~~ то, чѣмъ другимъ, кромѣ внушенія и обмана можно объяснить себѣ рѣшимость перваго человѣка нарушить запретъ творца. Необходимость вошла въ міръ только потому, что волѣ нашего праотца, развращеннаго ~~начитанными~~ начитанными собаньниками, передана

ей ту власть надъ всѣми вещами, которой ее надѣлилъ Творецъ. И его могущества міръ превратился въ res quae in nostra potestate non sunt, а человѣкъ принужденъ искать блаженства въ мірѣ „духа" т.е. въ ~~сознаніи~~ своемъ знаніи и въ своей добродѣтели. ~~Да,~~ ~~Онъ~~ Но, въ рѣдкіе минуты крайняго душевнаго напряженія тѣ „узы", которые мы тамъ тщательно ~~изучаемъ~~ знаемъ изъ нашей мощи, ~~будятъ въ насъ парализованную волю~~ и возвращаютъ къ нашему способность видѣть ея detritavi. И тогда только, ничѣмъ не прикрытая Необходимость обнажаетъ свою истинную сущность и мы начинаемъ понимать, что она и есть та вѣчна дна non oceisa homo non potest vivere. Лишенное обнажается предъ нашимъ въ своей истинной сущности, ~~какъ „поздаліе", какъ повѣдѣніе, парализованіе нашу волю~~ Возвышенное „поздаліе" мы почитаемъ, какъ безумное повѣдѣніе. Мы отказываемся „принимать" данное, мы рѣшаемся бросить вызовъ самой Необходимости. На той высотѣ, на которой Ницше открылось его вѣчное возвращеніе, тамъ гдѣ человѣкъ, какъ Моисей на Синаѣ, становится лицомъ къ лицу съ Истиной, Необходимость теряетъ силу, которой ей даетъ нашъ грѣхъ, наша слабость, наше паденіе. Тамъ возвращается человѣку ~~его первичная~~ невѣдѣній невинности. Тамъ Абсурдъ входитъ въ свои законныя права, тамъ даже Киркегаардъ перестаетъ стѣдившься своего коня, ~~но~~ и тамъ ~~обращаясь на неудержимую свободу, свободу отъ вѣдѣнія, тамъ~~ начинается ~~нет~~ настоящая жизнь духа и дѣйствительная экзистенціальная философія — т.е. мы ~~основаны начинаемъ~~ дерзаемъ мыслить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мы живемъ: non prudet, quia prudendum est, prorsum credibile qui ineptum est и заключительное credum quia impossibile. ~~Истинная~~ Подлинная свобода есть свобода отъ вѣдѣнія, ~~свобода отъ всеобщихъ и необходимыхъ истинъ~~, пробужденіе отъ кошмара „непосредственно даннаго". ~~Вина человѣка принимаетъ все, что ему полагается отвѣтственностью~~ Сервовъ ~~съ дерева~~ плода „познанія", человѣкъ никто не въ силахъ принудить ~~насъ принимать все, что посылаетъ человѣку судьба~~, насъ всецѣло animo „принимать" expressis et ferre, ~~когда~~ позорятъ нашимъ

дочерей, убивающій сыновей, разрушающій родину, никакая сила не сорветъ у насъ признанія, что въ этомъ единственная, послѣдняя реальность, и что ~~принесенная ~~ ~~подъ фиговыми~~ падающая реальность не оскорбляетъ наше человѣческое существо. Фалларійскій богъ Сократа, явный tyrpistimus Сократа, алоэ fati Ницше и христіанское „назиданіе" Кьеркегарда, въ послѣднемъ счетѣ, есть не „оправданіе", а страшное обвиненіе нашихъ мнѣній. Нужно пройти вмѣстѣ съ ними черезъ ужасы ихъ „познаній", чтобы почувствовать и оцѣнить смыслъ библейскаго сказанія о первородномъ грѣхѣ. Грѣхъ есть ~~оцѣпенѣніе~~ сонъ и дуга и наша дѣйствительность есть галлюцинація видѣнія ~~отъ ~~ ~~падшаго духа~~ Онъ идетъ еще дальше: страхъ предъ ничто, какъ мы помнимъ, парализуетъ у него волю самого Бога. ~~Страхъ предъ ничто для него есть начало жизни духа~~. Власть ничто не оскорбляетъ уже его, какъ не оскорбляла власть необходимости Ницше, Сократа и Спинозу. Она сама водвигаетъ его на ~~высшую~~ высшую иерархическую ступень бытія, она даетъ человѣку ~~высшую~~ увѣренность se sapere, se sanctum et justum esse, она его „примиряетъ" съ ~~ужасами~~ бытными ужасами бытія. Но-скажу въ послѣдній разъ: это примиреніе и есть то паденіе, о которомъ повѣствуется въ Библіи ~~дѣйствіе~~ то лживое eritis sicut Dei scientes bonum et malum, которымъ ~~первый человѣкъ~~ земной первый человѣкъ предалъ во власть необходимости перваго человѣка. Кьеркегаръ ~~дивится~~, хотѣлъ, чтобъ не только люди, но и камни рыдали надъ нимъ. И, быть можетъ, въ тѣхъ словахъ ~~сказывалась~~ его послѣднихъ, самая завѣтная мысль, ~~та ~~ ~~которая диктовала~~ которая была началомъ его экзистенціальной философіи. Не человѣкъ превращается въ камень предъ лицомъ ужасовъ жизни, наоборотъ ужасъ способенъ оживить даже мертвый камень. Ужасъ не есть случайный придатокъ къ бытію. Въ нихъ скрыта сила, которой дано разнообразить міровую власть необходимости. ~~Не intelligere, а malleus~~ Dei, и ~~наши~~ философы Intelligere и въ назиданіи приносимыя имъ съ собой должны рушиться, подъ ударами страшнаго Malleus Dei и человѣческимъ видѣнія et detestari, если человѣкъ сумѣетъ вернуть свою первоначальную свободу. Знаніе со свободой не совмѣстимо — свобода есть прежде и послѣ всего свободы отъ знанія. Соотвѣтственно и наше ~~мышленіе человѣка~~ пока человѣкъ еще стремится

2 экз. АI 154
6015

жить въ тѣхъ категоріяхъ въ которыхъ они мыслятъ, дух сто ще въ тайну Необходимости ~~и во власти~~ того страшнаго Ничто, которое, ~~скрывается~~ ~~подъ cultus sicut Dei~~, собою обнаружившись въ ризу cultus sicut Dei соблазнилось ~~первого человѣка~~ нашего праотца и продолжаетъ соблазнять всѣхъ насъ. ~~Но~~ Мы попытаемся мыслить въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мы живемъ. „Необходимость" пришла ~~отъ~~ послѣ паденія, она и есть то Киркегардовское „Ничто", которое непостижимымъ образомъ стало злозлымъ бытіемъ. ~~Необходимость нас не оскорбит. И наш~~ Наша воля тамъ парализована, нашъ духъ находится въ такомъ глубокомъ отупѣніи, что Необходимость уже, как говорит Ничто, нас не оскорбляетъ вовсе ~~и страх~~ страх предъ Ничто, ~~по свидѣтельству Киркегарда, является началом пробуждения человѣка~~. по свидѣтельству Киркегарда даетъ начало спасительному бодрствованію, Необходимость не оскорбляетъ насъ. „Ничто" пустой призракъ будитъ насъ безмѣрный страхъ, парализующій нашу волю. Мудрѣйшій изъ людей въ первомъ и во второмъ своемъ воплощеніи видѣлъ высшую добродѣтель въ знаніи и въ покорности Необходимости. Мы должны научиться смотрѣть въ тѣхъ категоріяхъ, въ которыхъ мы живемъ, т.е. вернуться къ мировоззрѣнію невинного человѣка. ~~К которому~~ К Христу и къ нему. Киркегаардъ рѣшился во всеуслышаніе назвать настоящимъ словомъ свою тайну и ~~на~~ ~~вся~~ угрозамъ „Божественного" ~~отвѣт~~ противопоставить тертуліановское no predict qui prudendum est. И тогда только, быть можетъ, вернется намъ первозданная свобода и мы станемъ ~~нами~~ не рабами, а господами тѣхъ истинъ, ~~и исчезнет~~ тогда только разсѣется власть Необходимости, которая обнаружилась въ своей дѣйствительной сущности, какъ немощное и безсильное Ничто, и ~~основанная категорій мышленія~~ нами начнется то время предѣловъ безумія, ~~но выбора нѣтъ~~ и, быть можетъ, то исчезнутъ спасенія отъ ужасовъ, принесенныхъ cultus sicut Dei, и блаженство въ христіанскомъ бытіи придетъ только тогда, когда подъ ударами страшнаго malleus Dei человѣкъ сорвется съ привычныхъ категорій мышленія, и поставитъ на нихъ мѣсто, не только non predict, quia prudendum est — но и credo credibile quia certum est и dona — посѣдное, самое безумное — credo quia absurdum est. Ибо свобода тогда только тогда, когда кончается знаніе со всѣми его absurdum.